

рассыпал комплименты уже генералу Левенгаупту по поводу якобы его победы в том же бою.

Старому гетману было все трудней придумывать оправдания своему нежеланию идти на соединение с русской армией. 10 октября после военного совета, на котором было принято решение собрать воедино русские и казацкие полки и попытаться нанести удар шведам, канцлер Г.И. Головкин уже с некоторым раздражением напоминает гетману о царском приказе: *"Изволите потщитися по неременной своей к царскому величеству верности, на оборону малороссийского народу, в особое ваше управление от бога и от его царского величества врученного, поспешить безотложно"*. Для мудрого понимающего Мазепы большую опасность быть разоблаченным представляли следующие строчки письма Головкина о том, что малороссийский здешний край и народ *"зело сумневается, что от вашего сиятельства весьма оставлен в наступление неприятельское"*.

Начиная с 16 октября, тучи над головой старого гетмана еще более сгущаются. Карл продолжает движение к югу, параллельно ему идут великорусские войска: надежда на то, что шведы двинутся на Москву через Брянск, рухнула. Посвященные в политические планы гетмана полковники все более настойчиво требуют соединения со шведами, но сам Иван Степанович все еще тянет время и пытается лавировать меж "Сциллой и Харибдой". Наступает решающий момент, момент истины. К нему из царской ставки ежедневно приходят сообщения с приказами прибыть и привести войска. Мазепа сказывается смертельно больным. Он переезжает в свой лагерь под Борзной, якобы для совершения над ним обряда елеосвящения киевским митрополитом Иоасафом Краковским, возвращавшимся из Москвы. В тот насыщенный событиями день 16 октября 1708 года гетман демонстрирует русским свою старческую немощность и болезнь, не позволяющую ему исполнить волю монарха. Присланный стольник Семен Протасьев с указом, разрешающим Мазепе остаться по случаю болезни в обозе, а основному войску послать компанейцев и сердюков, был убежден,